

СОЦІАЛЬНЕ ХРИСТІАНСТВО*)

Христіанство существуетъ почти двѣ тысячи лѣтъ. Оно дано народамъ, какъ замкнутый ларець съ драгоцѣнностями: оцѣнить ихъ въ полной мѣрѣ обладатели смогутъ лишь тогда, когда найдутъ ключъ, чтобы открыть крѣпкій затворъ. Въ этомъ смыслѣ христіанство есть даръ не столько даже для современниковъ, сколько для будущихъ временъ и грядущихъ поколѣній. Поэтому, несравненно правильнѣе понимать его не какъ фактъ нашей жизни, а какъ вѣковѣчную проблему ее, къ рѣшенію которой человѣчество можетъ подходить только постепенно. Бездонными глубинами такого космо-динамическаго, такъ сказать, пониманія христіанства чаруетъ насъ Евангеліе ап. Іоанна и особенно его «Апокалипсисъ». Когда мы пытаемся понять христіанство какъ фактъ, оно тотчасъ же превращается въ ложь и кощунственный обманъ, потому что современная жизнь наша чуть не по всѣмъ пунктамъ рѣзко расходится съ его требованіями. Если же мы принимаемъ его только какъ проблему, оно сразу становится и для вѣрующихъ, и для мыслящихъ величайшею истиною грядущаго, зрѣющею и вынашиваемою въ глубинахъ человѣческихъ душъ.

Всѣ религіи ищутъ — и непременно должны искать — своего воплощенія въ жизни — и съ большею или меньшею полнотою находятъ его. Моисей вмѣстѣ съ религіею создалъ и религіозные законы, регулировавшіе государственную жизнь и всѣ общественныя, личныя и семейныя отношенія евреевъ. Какъ еврей живетъ по религіозному закону Моисея, такъ магометанинъ живетъ по религіозному закону Магомета. Но кто видѣлъ христіанина, живущаго по закону Христа? Христіанство въ отличіе отъ юдаизма и магометанства, не создало ни своего государства, ни своего права, ни своего закона — и увѣровавшіе въ Христа были вынуждены жить по чужому для нихъ языческому праву, подчиняться чужому, языческому,

*) Статья И. Гофштеттера интересная и цѣнная, какъ пробужденіе христіанской совѣсти въ отношеніи къ соціальной жизни, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя невѣрныя сужденія о западномъ христіанствѣ, католичествѣ и протестантизмѣ, что редакція «Пути» оставляетъ на отвѣтственности автора. *Редакція.*

закону, быть вѣрными гражданами чужихъ, языческихъ, государствъ. Уже этимъ самымъ изъ христіанства была какъ бы вынута самая существенная часть его — его преобразующее вліяніе и воздѣйствіе на реальную человѣческую жизнь, а само оно сведено только къ мистическому созерцанію и обрядности. Какой то темный геній, какая то мрачная міровая сила восторжествовала надъ Христомъ, завладѣла Его наслѣдіемъ, заглушила Его голосъ и парализовала всю силу благотворнаго обновляющаго вліянія Его ученія на жизнь человѣчества. Она социальнo обезплодила христіанство, анулировала всѣ безцѣнные сокровища христіанской этики и какъ бы заново распяла уже воскресшаго Христа. Мечта о реальномъ воплощеніи христіанскихъ этическихъ началъ во всемъ строѣ исторической жизни, о созданіи дѣйствительно христіанскаго общества и государства всего больше волновала двухъ великихъ людей — Гусса и Саванаролу — и оба они сгорѣли на кострахъ католической инквизиціи. Они пытались заполнить ту бездну, которая отдѣляетъ христіанскую этику отъ нашей языческой, даже иногда первобытно-звѣриной дѣйствительности, — и трагической неудачей своихъ попытокъ только еще сильнѣе заставили почувствовать, какъ безконечно далеки христіане отъ Христа.

Возвратъ христіанскаго общества къ Христу составляетъ основную и первую проблему всей нашей цивилизаціи. Для современной Европы онъ становится своего рода загадкой сфинкса, которую необходимо во что бы то ни стало разрѣшить подъ страхомъ гибели и уничтоженія. Экономическая эволюція современныхъ обществъ выдвигаетъ на первый планъ социальный вопросъ, а онъ совершенно неразрѣшимъ безъ христіанства. Классовый антагонизмъ настолько обостренъ, что грозитъ почти неизбѣжнымъ всемірнымъ кровопролитіемъ. Классовая мораль — и буржуазная, и пролетарская одинаково — ограничена узко-классовыми интересами и поэтому совершенно бессильна разрѣшить междуклассовый споръ о богатствѣ и власти. Такъ какъ государственная власть въ сознаніи своихъ представителей почти повсюду носитъ рѣзко классовый характеръ, то социальная борьба поведетъ къ разрушенію всѣхъ буржуазныхъ государствъ, поскольку же установленіе социалистическаго строя окажется для большинства народовъ дѣломъ непосильнымъ по моральной неподготовленности и политической незрѣлости массъ, ниспроверженіе существующихъ государствъ будетъ имѣть послѣдствіемъ разрушительную анархію и социальное разложеніе, ведущее къ вымиранію морально-нежизнеспособныхъ націй. Классовая тяжба, неразрѣшимая на почвѣ классовой морали, можетъ полу-

читать мирное разрѣшеніе только на началахъ общечеловѣческой, т. е. христіанской морали. Предупредить колоссальнѣйшее кровопролитіе и всеобщую соціальную смуту можно лишь путемъ постепенной христіанизации государства. Чтобы избавиться отъ почти неизбѣжнаго всемірнаго кроваваго потопа надо заблаговременно христіанизировать государство при помощи государственнаго законодательства, христіанизировать экономическія отношенія, раздѣляющія общество на классы, христіанизировать всю общественную жизнь.

Но для того, чтобы выполнить такую грандіозную работу, необходимо располагать могущественнымъ рычагомъ, способнымъ оказывать вліяніе на совѣсть и волю всего человѣчества, а для этого нужно прежде всего христіанизировать эмпирическую церковь, сдѣлать ее христіанской не только по названію, но и по существу, вознести ее на высоту ея божественнаго призванія въ историческихъ судьбахъ человѣчества, какъ священный гласъ Божій въ дѣлахъ земныхъ. Такая работа уже началась и понемногу формируется повсюду. Одно изъ первыхъ начинаній ея было сдѣлано въ нѣдрахъ православной греческой церкви*). Еще около десяти лѣтъ тому назадъ былъ составленъ проектъ энциклики по соціальному вопросу. Митрополитъ Коссондрійскій Іереносъ ознакомилъ съ нимъ епископовъ и получилъ общее одобреніе. Но происшедшій вслѣдъ за этимъ въ Греціи политическій переворотъ поколебалъ рѣшеніе епископовъ и одобренная ими энциклика появилась на страницахъ официальнаго духовнаго органа, какъ обращеніе къ греческимъ пастырямъ за подписью одного только митрополита Коссондрійскаго. Само собою разумѣется, что это, вынужденное какими то политическими соотношеніями, измененіе внѣшней формы посланія нисколько не умаляетъ его огромнаго значенія, прежде всего какъ акта покаянія греческой церкви въ грѣхахъ и ошибкахъ, въ полномъ безразличіи къ участи и положенію трудящихся и страждущихъ человѣческихъ массъ, къ ихъ борьбѣ за свое человѣческое право и правду. Приводимъ текстъ этого историческаго документа съ возможною точностью, достижимой при переводѣ на другой языкъ.

* * *

«Жизнь человѣчества вступила въ эпоху великихъ потрясеній: послѣ величайшей и кровопролитнѣйшей во всей міровой исторіи войны оно обратилось къ выработкѣ новыхъ формъ

*) Слѣдовало еще указать на рядъ аналогичныхъ начинаній въ католической церкви, прежде всего на энциклики Льва XIII и Пія XI, а также на соціальныя теченія въ протестантизмѣ. *Редакція.*

общественной жизни въ хаосѣ беспощадныхъ и братоубійственныхъ внутреннихъ междуусобиць. Въ крови и страданіяхъ, въ борьбѣ и ненависти рождается его будущее. Что несетъ оно намъ: разрушеніе ли общества или возрожденіе его на новыхъ началахъ? Свѣтлое царство любви и братства, правды и справедливости или беспросвѣтную анархію, разложеніе и всеобщую гибель? Православная Церковь стоитъ въ сторонѣ отъ кипящей вокругъ борьбы, не старается ни умѣрить ее, ни направить по правильному пути. Пассивное безучастіе и безмолвіе Церкви отчасти объясняется тѣмъ, что всякая борьба требуетъ мученичества и жертвъ, способность же къ мученичеству христіанскіе пастыри давно уже утратили, хотя и Христосъ и св. апостолы были мучениками. Морально и догматически пастырское самоустраненіе отъ общественной жизни пасомыхъ народовъ всего чаще оправдывается самими пастырями тѣмъ соображеніемъ, что царство Христовой Церкви не отъ міра сего: Ея призваніе — не спасеніе челоуѣковъ, а спасеніе челоуѣческихъ душъ. Устроительство соціальной жизни народовъ — забота о многомъ пекущейся Марѣи, а не ищущей царства небеснаго Маріи. Приверженность къ небесному заставляетъ отвращаться отъ земного и не позволяетъ служителямъ Церкви вмѣшиваться въ суету общественной борьбы.

Это соображеніе никакъ нельзя признать истиннымъ. Царствіе небесное неотдѣлимо отъ земной жизни, ибо къ нему ведетъ исполненіе Божіихъ заповѣдей на землѣ. И заповѣди Моисеевы и заповѣди Христовы были даны людямъ для исправленія и религіознаго озаренія земной жизни, какъ и законы государственные, поскольку они выражаютъ голосъ совѣсти своего народа и опираются на законы божественныя. Церковь не можетъ отречься отъ міра, ибо ея святое призваніе и назначеніе — вести міръ къ спасенію. Поэтому она не должна отстраняться отъ общественной борьбы, но обязана направлять ее въ духѣ оставленныхъ Учителемъ и Его святыми апостолами высокихъ завѣтовъ.

Самоотрѣшеніе служителей церкви отъ общественной жизни обезсиливаетъ вліяніе Церкви, подрываетъ ея значеніе и чрезвычайно пагубно отражается на всей судьбѣ пасомыхъ народовъ, лишая ихъ христіанскаго руководства въ самыхъ важныхъ дѣлахъ ихъ гражданской совѣсти. Замкнувшаяся въ небесномъ и отмѣтающая заботы о земномъ Церковь цѣлые вѣка подъ рядъ наставляла отпадающіе народы слѣпой покорности всѣмъ неправдамъ крѣпостничества, рабства, безправія и насильничества. Всѣ коренныя улучшенія общественной жизни часто совершались помимо нее. Брошенные на произволъ судьбы народы стали искать Божьей Правды на землѣ

не въ замкнувшейся отъ земныхъ тревоженій Церкви, а за ея оградой, и находили взыскующую правду отчасти въ новыхъ религіозныхъ сектахъ, время отъ времени возвращающихся къ первоисточнику христіанскаго ученія — къ св. Евангелію, главнымъ же образомъ въ тѣхъ свѣтскихъ ученіяхъ, которыя ставили своею задачею защиту правъ трудящагося и страждущаго человѣчества. Добиваясь осуществленія общественной правды безъ участія Церкви подъ руководствомъ другихъ учителей, народъ привыкъ отдѣлять общественную правду отъ церковной и идти за другими, нерѣдко лживыми пророками лучшей жизни. Особенно горькіе плоды отсутствіе церковнаго учительства въ мірской жизни приносятъ въ наши смутные дни, которые, быть можетъ, стали смутными именно потому, что сердца и души людей не озарены немеркнущимъ свѣтомъ живой Христовой Правды.

На пустующее мѣсто пастырей христіанскихъ во главѣ трудящихся и страждущихъ стали случайные люди, нерѣдко принадлежащіе къ иной вѣрѣ и къ иному племени, почти религіозно презирающему черный физическій трудъ и во всемъ мірѣ стоящему во главѣ всяческой эксплуатаціи чужого труда. Въ то время, какъ одни изъ нихъ организуютъ угнетеніе трудящагося человѣчества, другіе организуютъ его освобожденіе, но поскольку они не оторвались вполне и окончательно отъ своего національнаго, глубоко чужаеяднаго духа и корня, отъ своей національной морали и навыковъ, отъ своихъ национальныхъ связей и склонностей, кто знаетъ, не преслѣдуютъ ли они въ этой защитѣ трудящихся какихъ нибудь своихъ собственныхъ скрытыхъ національныхъ интересовъ и цѣлей? Проповѣдуя свободу, они часто устанавливаютъ самый лютей деспотизмъ; провозглашая права труда, лишаютъ людей ихъ трудового достоянія и обрекаютъ ихъ на рабское безправіе передъ новой, абсолютной, въ значительной мѣрѣ чужаеядной и ничѣмъ неограниченной властью.

Не удивительно, что даже въ своей борьбѣ съ темнымъ прошлымъ она приноситъ съ собою тоже много темнаго и смутнаго, какъ бы повторяетъ въ себѣ его неправды и преступленія. Тѣ перемѣны и улучшенія въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя должны совершаться во имя христіанской любви, совершаются подъ пламенные призывы «классовой ненависти». То, что должно быть завоеваніемъ справедливости, добывается путемъ насилія. Тамъ гдѣ должно торжествовать братство, торжествуетъ братоубійство. Въмѣсто кликовъ всеобщей радости и примиренія, гремятъ выстрѣлы, раздаются стоны и проклятія убиваемыхъ, вмѣсто сладкихъ слезъ восторга отъ побѣды надъ вѣковой неправдой ручьями льется человѣческая

кровь. Въмѣсто обѣтованнаго спасенія и всеобщаго счастья кровавая социальная смута несетъ людямъ неисчислимыя страданія и гибель. Такъ что даже сами трудящіеся и угнетенные начинаютъ бояться своего освобожденія и цѣлыми милліонами голосовъ предпочитаютъ лучше поддерживать царящій надъ ними экономической и политической гнетъ. Спрашивается: не вина ли пастырей, бросившихъ народъ безъ христіанскаго руководства въ самую важную годину его жизни, когда онъ закладываетъ фундаментъ всего своего будущаго, что онъ пошелъ за проповѣдниками мести и ненависти, крови и насилія? На насъ, кому были ввѣрены сердца и души «малыхъ сихъ» исторически и морально падаетъ тяжкій грѣхъ всѣхъ чужихъ злодѣяній, ибо мы не исполнили своего пастырскаго долга передъ пасомыми и передъ Тѣмъ, Кто возложилъ на насъ попеченіе объ ихъ судьбѣ. Заключивъ Христа въ стѣнахъ Церкви, мы лишили Христовой благодати всю жизнь народовъ, закрыли отъ нихъ животворящій свѣтъ, долженствующій озарять и личную и общественную жизнь человѣка. Мы забыли, что Церковь должна быть не глухою тюрьмою для духа Христова, но тѣмъ во вѣки неугасимымъ очагомъ Христовой правды, который свѣтитъ на весь міръ и освѣщаетъ всѣмъ народамъ земные пути къ царствію небесному.

Иерархи Православной Греческой Церкви постоянно и мучительно сознаютъ всю неизмѣримую тяжесть допущенной ошибки и призываютъ пастырей къ исправленію ея. Священство! Не оставляй своихъ чадъ въ ихъ исканіяхъ общественной правды безъ спасительнаго наставленія Христова! Будь само вѣрнымъ святымъ завѣтамъ Распятаго и, готовое нести Его мученической крестъ, иди въ міръ на борьбу съ торжествующимъ зломъ и неправдою, указывая всѣмъ обиженнымъ и страдающимъ пути спасенія, заповѣданные пріившимъ мученическую смерть Учителемъ. Въ томъ, какъ должна быть построена общественная жизнь людей еще много темнаго и спорнаго. Въ мірскихъ спорахъ и расхожденіяхъ всегда можно потеряться, потому что въ мірѣ правда перемѣшана съ ложью. Только идущій за звѣздою Вифлеемскою не заблудится во тьмѣ ночной. Чтобы не сбиться на ложную дорогу, ведущую къ грѣху и гибели, ревностно храни вѣрность слову евангельскому. Христосъ училъ насъ любить всѣхъ людей какъ своихъ братьевъ и въ каждомъ человѣкѣ чтить образъ Небеснаго Отца его, значитъ, мы обязаны отвергать всякое попраніе человѣка, какъ величайшее кощунство, какъ смертный грѣхъ и мерзость передъ Господомъ. Съ воцареніемъ истиннаго христіанства преобразование стараго языческаго строя хозяйственно-экономическихъ и общественныхъ отно-

шеній челоуѣчества, низводящихъ трудящагося челоуѣка на степень рабочаго скота и обездушеннаго товара, станетъ неизмѣннымъ и неотвратимымъ во имя самого смысла и духа Христа ученія, но такое коренное преображеніе жизни осуществимо не во имя классовой ненависти и изступленной злобы, а только во имя любви и братства людей. Распаленная ненависть нужна для кровавой борьбы, для формировація братоубійственныхъ армій, для насильственныхъ переворотовъ, но какой безумецъ рѣшится утверждать, что она годна какъ основа, какъ главный устой будущаго всего челоуѣчества, какъ незыблемый фундаментъ новаго міроваго соціального строительства? Всякому ясно, что на такомъ фундаментѣ ничего не построишь, кромѣ тюрьмы съ глухими палатами для пытокъ и казней. Для соціального строительства, которое мечтаетъ осуществить въ строѣ экономическихъ отношеній начала равенства и братства, нужны болѣе прочные и болѣе широкіе устои, которые оправдывались бы не узкими шкурно-эгоистическими интересами рабочихъ, а властными требованіями живой совѣсти всего челоуѣчества и всѣхъ людей, вѣчными началами общечелоуѣческой, то есть христіанской морали.

Истинный служитель Христа не можетъ оправдывать экономического угнетенія челоуѣка челоуѣкомъ, обращенія безчисленныхъ милліоновъ челоуѣческихъ существъ, созданныхъ по образу и подобию Божию, въ рабочій скотъ, тянуцій изодня въ день безъ просвѣта и безъ надежды въ будущемъ тяжелую трудовую лямку для обогащенія счастливцевъ міра, не можетъ благословлять никакого надругательства брата надъ братомъ. Но онъ понимаетъ, что освобожденіе челоуѣчества отъ гнетущихъ всѣ народы соціальныхъ золъ и неправдъ люди смогутъ найти только въ перестройкѣ всѣхъ своихъ отношеній, всей своей морали и психологіи на религіозномъ сознаніи своего всеобщаго внутренняго единства, на вытекающей изъ этого сознанія христіанской любви и солидарности, духовнаго братства и братскаго равенства, то есть не въ бюрократическомъ или анархическомъ, а въ *соціальномъ христіанствѣ*. Безъ этого внутренняго, морально религіознаго просвѣтленія, безъ озаряющаго мистическаго сознанія своего единства, своей единосущности со всѣмъ челоуѣчествомъ и безъ полной замыненности своего эвѣрино-эгоистическаго, индивидуальнаго самочувствія коллективнымъ никакой социализмъ невозможенъ, никакое братство и равенство людей неосуществимо и всякіе революціонные перевороты будутъ создавать только новыхъ властителей, новыхъ эксплуататоровъ, но никогда не создадутъ ни истинной свободы, ни справедливости. Призывающій

къ ненависти братоубійственный социализмъ осужденъ на вѣки оставаться бесплоднымъ и творчески безсильнымъ, ибо однимъ революціонно-полицейскимъ принужденіемъ безъ глубокаго нравственнаго обновленія погрязнувшихъ въ животномъ эгоизмѣ человѣческихъ душъ и сердець никакъ не создашь долженствующаго связывать эти сердца чувства солидарности.

Строительное безсиліе социализма, принудительно считающагося только съ матеріальными интересами человѣка и лишаящаго себя права воздѣйствія на его нравственную и духовную жизнь, само указываетъ на главенствующую роль Церкви въ социальномъ строительствѣ будущаго. Пришла пора, когда христіанская Церковь должна вспомнить Того, чьимъ именемъ она существуетъ на свѣтѣ, и снова, какъ въ первые вѣка христіанства, выступить не только охранительницею человѣческихъ душъ, но и утѣшительницею всей жизни человѣковъ, вѣрнымъ глашатаемъ и самоотверженнымъ воителемъ Божьей Правды на землѣ. Она уже не можетъ остаться ни враждебною, ни даже постороннею тому движенію народовъ, которое тщится преобразовать жизнь человѣчества на христіанскихъ началахъ безъ Христа и въ духовно-творческой немощи своей создаетъ только кровавую смуту и разрушеніе. Дальнѣйшее продолженіе лукавой и недостойной политики боязливаго нейтралитета во всемірной борьбѣ за право и правду будетъ уже равносильнымъ формальному отреченію отъ Христа. Оно сдѣлаетъ Церковь никому ненужной, а человѣчество, безсильное разрѣшить социальный вопросъ безъ участія Христовой Церкви, обречетъ на гибель въ безысходныхъ и беспросвѣтныхъ, кровавыхъ и братоубійственныхъ социальныхъ смутахъ.

Со святымъ крестомъ въ рукахъ грядите пастыри къ народу и станьте во главѣ его социальныхъ исканій. Когда вы не будете ограничивать свое христіанство одними молитвами и церковными службами, но воплотите его животворящій духъ въ великомъ служеніи общественнаго богостроительства, народы увидятъ, что спасеніе отъ угнетающихъ ихъ социальныхъ золъ сокрыто въ ученіи Спасителя и сами пойдутъ за Его вѣрными учениками. Тогда грядущее преображеніе общественной жизни совершится не при крикахъ и проклятыяхъ ненависти, не при стонахъ и вопляхъ поверженныхъ борцовъ, а подъ радостное гимны всеобщаго примиренія, христіанской любви и всемірнаго братства народовъ».

* * *

«Соціальное христіанство» — вотъ въ чемъ основная задача нашего вѣка, вотъ въ чемъ возрожденіе церкви и государ-

ства, вотъ гдѣ спасеніе современнаго общества отъ гибели и разложенія въ кровавомъ хаосѣ безысходныхъ революціонныхъ смуть! Разъ христіанство представлявшее собою высшее выраженіе человѣчности въ человѣчествѣ, завершеніе его моральной и духовной эволюціи, было выброшено изъ сферы социальнихъ отношеній, нечего удивляться, что социальная эволюція неудержимо влечетъ человѣчество къ звѣриному одичанію и кровавымъ потрясеніямъ. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ христіанская церковь ограничивала свою дѣятельность исполненіемъ богослужебныхъ обрядовъ и дѣйствительно оставалась внѣ христіанства. Не мудрено, что она потекла не по христіанскому руслу и привела къ міровой катастрофѣ. Что народы, оставленные безъ религіознаго руководительства, стали рѣшать стоящія передъ ними вопросы внѣрелигіозными способами — вполнѣ понятно и естественно. Но въ такомъ случаѣ нравственная отвѣтственность за всѣ возможныя ошибочныя и даже преступныя рѣшенія всецѣло падаетъ на совѣсть пастырей, отворотившихся отъ Божьей Правды и малодушно покинувшихъ свое стадо. Выяснивъ угрожающіе размѣры и основную причину всеобщаго озвѣренія, остается только исправить роковую ошибку. Путь, на который такъ робко, неувѣреннымъ и колеблющимся шагомъ пытались вступить греческіе іерархи, — единственный вѣрный путь, ведущій къ предупрежденію міровой катастрофы. Къ покаянію греческой церкви могутъ вполнѣ присоединиться всѣ остальные христіанскія церкви, потому что тотъ грѣхъ, въ которомъ она кается, — общій грѣхъ всѣхъ существующихъ церквей.

У насъ много говорятъ теперь о воссоединеніи церквей, но не ближе ли всего начать имъ это духовное объединеніе именно съ покаяннаго сознанія ихъ общей вины передъ Христомъ и передъ народами и съ общности всенароднаго покаянія? При этомъ всѣ ихъ индивидуальныя особенности, всѣ обрядовыя и догматическія отличія, которыми каждая изъ нихъ такъ дорожить, могли бы даже остаться совершенно неприкосновенными и нисколько не помѣшали бы объединенію въ самой сущности христова ученія. Вѣрность завѣтамъ Христа въ построеніи жизни и человѣческихъ отношеній погаситъ вѣроисповѣдную рознь и всѣхъ насъ сдѣлаетъ братьями во Христѣ.

Позднѣйшій расцвѣтъ религіознаго раціонализма тоже не остался безъ послѣдствій. Отказъ отъ христіанской мистики въ построеніи общественныхъ отношеній привелъ къ раздвоенію жизни съ религіозною совѣстью и къ паденію христіанской этики, имѣющей, несомнѣнно, мистическое начало. Новое религіозное творчество уже не вело за собою общество, а само въ развитіи своемъ шло за обществомъ. Напр. въ вопросѣ

о разрѣшеніи взиманія процентовъ по ссудамъ церковь руководствовалась не верховнымъ морально-религіознымъ идеаломъ, и не подражаніемъ Христу, а пассивно слѣдовала общему теченію экономической эволюціи европейскихъ народовъ, эволюція же эта была совершенно не духовной, а чисто матеріальной и матеріалистической. Въ сферѣ хозяйственныхъ и житейскихъ отношеній она насаждала крайній индивидуализмъ, ожесточенную конкуренцію, борьбу каждого противъ всѣхъ, ведущую или къ уничтоженію, или къ поработенію сильнымъ слабого. Ея психологія и ея мораль находились въ непримиримомъ противорѣчьи съ моральными завѣтами христіанства. Промышленный прогрессъ, разцвѣтшій на принципахъ индивидуализма и раціонализма, придавалъ общественной жизни новый ликъ, но этотъ ликъ былъ гораздо болѣе близокъ къ доктринамъ Нитче, чѣмъ къ завѣтамъ Христа: всѣ хозяйственныя отношенія людей строились на холодномъ и жестокомъ эгоизмѣ, а вовсе не на любви, милосердіи и братствѣ.

Должно сознаться, что реформація и революція, ведшія Европу по пути прогресса, изъ трехъ началъ революціоннаго лозунга: «свобода, равенство и братство» — успѣли осуществить болѣе или менѣе полно только свободу. Равенство осуществлено лишь формально передъ лицомъ закона и правосудія, братство же людей осталось идеаломъ совершенно недостижимымъ при всѣхъ существующихъ режимахъ. Ни реформація Лютера и Кальвина, ни революція Кромвеля и Робеспьера къ нему нисколько не приблизили. Это вполне естественно, потому что и реформація, и революція были раціоналистичны, а понятіе братства людей по самому существу и сокровенному смыслу своему чисто мистическое: вѣдь для того, чтобы считать другъ друга братьями, они должны прежде всего понять и чувствовать, что они дѣти Единого Отца. Только изъ мистическаго ощущенія сыновьей связи съ общимъ Отцомъ рождается моральное понятіе братства. Для скольконибудь послѣдовательнаго позитивиста и матеріалиста его вовсе не должно существовать и если позитивно мыслящіе философы все же говорятъ о братствѣ людей и народовъ, то они при этомъ, очевидно, каждый разъ по ошибкѣ садятся на чужого коня. Реально мыслящіе римляне говорили: «человѣкъ чело-вѣку волкъ». По матеріалистическому пониманію, исходящему изъ фактовъ окружающей дѣйствительности, въ которой царитъ всеобщая борьба за существованіе, какъ верховный законъ человѣческихъ отношеній, между людьми должна господствовать не братская любовь, а волчья ненависть. Божественной морали любви и самопожертвованія противустоитъ звѣрина мораль вольчихъ зубовъ и когтей. Поскольку хозяйственный

быть Европы базировался не на солидарности, а на безграничном эгоизмѣ и индивидуализмѣ, братство людей обращалось въ болъную утопію, въ обманчивую мечту, въ лживое слово безъ реального содержанія. Оно логически несомвѣстимо ни съ всеобщей безпощадной борьбой за матеріальныя блага, ни съ матеріалистическимъ пониманіемъ жизни человѣка.

По этому вопросу религіозная мораль не только принципиально, но даже методологически разошлась съ реальною жизнью. Въ силу офіціального существованія христіанской церкви имѣ пришлось пребывать другъ съ другомъ въ непримиримой враждѣ и въ непрестанномъ общеніи. Такъ или иначе они должны были слиться и ассимилироваться. Взялъ верхъ тотъ, кто сильнѣе. Такъ какъ жизнь не подчинялась религіозной морали, то религіозная мораль должна была въ концѣ концовъ подчиниться жизни.

Пока продолжался строительно-организаціонный и творческій періодъ капиталистической эволюціи, отклоненіе отъ христіанской морали въ сторону юдаизма, несомнѣнно, содѣйствовало быстротѣ промышленно-капиталистическаго прогресса Средней Европы. Но въ процессѣ дальнѣйшаго развитія капитализмъ создалъ свою антитезу — стремящійся пожрать его социализмъ. Творческій періодъ капиталистической эволюціи постепенно смѣняется разрушительнымъ. Настаетъ эпоха внутреннихъ классовыхъ антагонизмовъ и грозныхъ социальныхъ конфликтовъ. Для мирнаго разрѣшенія ихъ моисеева мораль оказывается совершенно безсильной и явно недостаточной. Она уже до дна испита въ прошломъ, и на ней не построишь никакого будущаго. Слѣдовательно, для продолженія жизни современнаго общества и для спасенія нашей цивилизаціи она непременно должна быть замѣнена морально болѣе высокимъ строемъ. Такъ какъ братская любовь психологически несомвѣстима со всеобщей ожесточенной борьбой за матеріальныя блага и съ узко-матеріалистическимъ пониманіемъ жизни и человѣка, то новая стадія экономической эволюціи, основанная не на индивидуализмѣ, а на солидарности, не можетъ конструироваться на матеріалистическомъ міросозерцаніи, наиболѣе приспособленномъ къ расцвѣту буржуазной психологіи и буржуазно-индивидуалистическому строю отношеній. Понынѣ еще господствующій матеріализмъ, какъ философское выраженіе (или оправданіе) грубой чувственности, положенной въ основу всей жизни современнаго общества, методологически еще со временъ барона Гольбаха съѣхалъ на сенсуализмъ и эмпиризмъ, а эмпирика, непосредственно связана съ воспринимающими органами нашего физическаго тѣла, какъ обособленной отъ всего остальнаго міра особи, влечетъ не къ коллективу, а скорѣе прямо въ противоположную сторону.

Остановимся на этомъ основномъ вопросѣ немного болѣе внимательно. Вѣдь физически и матеріально каждый индивидуумъ, дѣйствительно, совершенно отдѣленъ отъ всѣхъ остальныхъ. Онъ чувствуетъ только то, что переживаетъ его физическое тѣло, что ощущаютъ его физическіе органы. Поэтому, каждое животное, каждый звѣрь, какъ вполнѣ послѣдовательный эмпирикъ-сенсуалистъ, считается только съ самимъ собой: чувствуя голодъ исключительно лишь въ своемъ желудкѣ, а не въ чужихъ животахъ, онъ, естественно, и заботится только о своемъ собственномъ животѣ съ полнымъ и вполнѣ для него законнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ остальнымъ животамъ на свѣтѣ. Хищный тигръ для удовлетворенія своего голода съ наслажденіемъ пожираетъ трепещущую въ его когтяхъ лань — и онъ совершенно правъ, потому что въ этотъ моментъ чувствуетъ только свое собственное наслажденіе, но совершенно не чувствуетъ страданій пожираемой жертвы: они для него абсолютно не существуютъ, ибо вся реальность міра для него ограничена только чувствованіями его звѣринаго тѣла и его звѣриной шкуры.

На этой ограниченности всѣхъ ощущеній животнаго предѣлами его физическаго организма построены законъ борьбы за существованіе, безраздѣльно царящей надъ всѣмъ зоологическимъ міромъ. Изъ зоологическаго сенсуализма, куда болѣе цѣльнаго и послѣдовательнаго, чѣмъ сенсуализмъ философскій, психологически рождается самое жестокое звѣрство: считаясь только съ своими собственными ощущеніями и не зная никакой иной реальности, кромѣ физически-ощущаемой, каждое животное, естественно должно считать себя центромъ всего мірозданія и съ полнымъ правомъ приносить себѣ въ жертву всѣ остальные живыя существа, въ которыхъ видитъ только матеріаль для своего питанія. Капитализмъ переноситъ тотъ же зоологическій, формулированный Дарвиномъ, законъ индивидуальной борьбы за существованіе изъ зоологической среды въ социальную, а матеріалистическій марксизмъ перерождаетъ звѣриную борьбу единичныхъ индивидуумовъ въ еще болѣе озвѣрѣлую борьбу цѣлыхъ общественныхъ классовъ.

Основная ошибка всего матеріалистическаго теченія въ томъ, что оно не учитываетъ глубокой чисто психологической разницы между примитивно-зоологической и социальной средой. Человѣческая психологія — особенно въ своихъ прогрессивныхъ чертахъ и потенціяхъ — существенно отличается отъ животной. Главная ея особенность въ томъ, что сфера

непосредственныхъ воспріятій челоуѣка неизмѣримо болѣе широкая, чѣмъ сфера воспріятій остальныхъ преставителей зоологическаго міра и сверхъ того еще безгранично расширена его интеллектомъ. Поэтому она уже не ограничена его собственною личностію или его тѣломъ: каждый нормально-впечатлительный и развитой челоуѣкъ способенъ чувствовать не только свое личное горе, но и чужое. Его міръ уже не вмѣщается въ тѣсныхъ рамкахъ его физическаго организма, но почти рефлексивно отражаетъ въ себѣ и переживанія окружающихъ его существъ. Для насъ нерѣдко чужая боль становится несравненно больнѣе своей собственной. Въ отличіе отъ животныхъ мы умѣемъ находить удовольствіе и удовлетвореніе не только въ томъ, что ѣдимъ сами, но и въ томъ что насыщаемъ другого голоднаго челоуѣка. Видя дрожащаго отъ холода безпомощнаго ребенка или старца, мы сами начинаемъ дрожать его дрожью и вынуждены дѣлать надъ собою большое усиліе воли, чтобы не отдать ему своей одежды и не снять съ себя рубаху по слову Христову. Неудержимое и властное чувство состраданія и симпатіи часто разрушаетъ перегородки физической раздѣленности между людьми. Единство и общность взаимно отражаемыхъ ощущеній психологически связываетъ матеріально обособленные другъ отъ друга индивидуальности въ какія то высшія коллективныя единицы и тысячами невидимыхъ нитей, тысячами перекрещивающихся взаимодействій они уже спаиваются въ одно духовное цѣлое. Въ каждомъ изъ этихъ физическихъ оторванныхъ другъ отъ друга особей психика безгранично разрослась, вышла за предѣлы матеріально-тѣлеснаго, органически-чувственнаго зоологическаго естества и привела физически раздѣленныхъ къ психической сліянности.

Въ итогѣ безконечно сложной и долгой міровой эволюціи связующее психическое начало восторжествовало надъ раздѣляющимъ матеріальнымъ. Сокровенный смыслъ, вся этика и вся философія христіанства въ этомъ выхожденіи духовнаго челоуѣка изъ рамокъ его физическаго звѣринаго тѣла, въ полномъ духовномъ преодолѣніи своей индивидуально-тѣлесной стихіи, въ построеніи всей жизни и всѣхъ житейскихъ отношеній людей на постиженіи духовной сущности челоуѣческой личности. Физически раздѣленное таинственно претворяется въ единое и нераздѣльное. При этомъ окружающая насъ объективная реальность тоже принимаетъ какъ бы нематеріальныя формы: вѣдь физически ни государства, ни общества, ни церкви, ни націи, ни народы, ничего этого не существуетъ, физически существуютъ только отдѣльныя челоуѣческія тѣла, но своею внутреннею жизнью, своими взаим-

ными отношеніями они спаяны въ общества, въ государства, въ націи, въ церкви, въ классы и т. д. — и всѣ эти условно-выдуманная фикціи превращаются въ высшую и совершенно неоспоримую реальность нашего существованія. Въ реальномъ человѣческомъ бытіи гораздо больше такихъ невидимыхъ и нематеріальныхъ сущностей, чѣмъ видимыхъ. Ни гимназически-наивный бюхнеровскій матеріализмъ, ни первобытный, считающійся только съ непосредственными ощущеніями и впечатлѣніями эмпиризмъ не можетъ охватить всей сложности этой многоэтажной, чисто абстрактной и спиритуалистической по самой природѣ своей реальности человѣческаго бытія. Матеріализмъ несостоятеленъ въ силу того, что онъ просто не реаленъ, эмпирической позитивизмъ явно узокъ и, какъ философская система, годился бы только для зоологическаго періода міровой эволюціи, когда жизнь дѣйствительно была ограничена для каждого животнаго функциями его матеріальнаго тѣла и узкою сферою индивидуальной ощутимости такихъ взаимно другъ друга пожирающихъ тѣлъ.

Какъ историческое наслѣдіе уже пережитой зоологической фазы міровой эволюціи, эмпиризмъ и матеріализмъ съ точки зрѣнія соціального прогресса человѣчества глубоко и стихійно реакціонны; они зовутъ не впередъ, а назадъ, тянутъ не къ альтруизму и коллективности, которая инстинктивно стремится вырваться изъ ихъ тисковъ, а къ зоологическому индивидуализму и жестокому звѣриному взаимопожиранию. Поскольку физическая обособленность не преодолѣна психическимъ единствомъ, она заставляетъ каждого индивидуума въ его зоологическомъ самосознаніи чувствовать себя центромъ вселенной и даетъ ему безусловное право все въ мірѣ приносить въ жертву своему индивидуальному бытію, пожирая всѣхъ кого онъ можетъ пожрать. Христіанская этика, выросшая изъ сознанія внутренняго духовнаго единства физически раздѣленныхъ человѣческихъ особей, сломала въ душѣ и въ моральномъ сознаніи еще тварнаго и напсловину еще животнаго человѣка царствовавшій въ зоологическій періодъ міровой эволюціи законъ борьбы за существованіе и установила вмѣсто него другой универсальный міровскій законъ — законъ любви и состраданія, законъ жертвенности. Какъ законъ звѣриной борьбы сбязывалъ каждого приносить всѣхъ остальныхъ въ жертву всему хищному «я», такъ христіанскій законъ строить жизнь на жертвѣ этимъ личнымъ «я» для міра. Какъ звѣриное взаимопожирание было выраженіемъ индивидуалистической обособленности, такъ христіанская идея жертвенности и мученическаго самоотданія за міръ выросла изъ мистическаго сознанія всеединства психической жизни.

Она знаменовала собою переходъ отъ матеріально-чувственнаго къ психическому воспріятію и явилась результатомъ просвѣтительнаго постиженія духовной сущности міра и чело-вѣка.

Христіанство принято разсматривать только, какъ религіозную систему, неимѣющую никакого отношенія ни къ филоссофіи, ни къ наукѣ, хотя даже для того, чтобы завоевать такіе центры научно-филоссофской жизни древняго міра, какъ Римъ и Афины, оно должно было восторжествовать надъ всѣми филоссофскими теченіями той эпохи и плѣнить изощренные въ критическомъ анализѣ умы глубиною и логическою стройностью новаго интуитивнаго жизнепониманія. Теологія, слишкомъ оторванная отъ естественно-научныхъ и соціологическихъ знаній, даже не отмѣтила его космически-широкаго эволюціоннаго размаха, не привела его въ связь съ общимъ ходомъ міроваго развитія и совершенно не оцѣнила его колоссальной цѣнности съ точки зрѣнія дальнѣйшихъ фазъ соціального прогресса

Между тѣмъ эта сторона чрезвычайно важна и существенна. Грядущій коллективный строй общественнѣй жизни и экономическихъ отношеній психологически совершенно несовмѣстимъ съ господствующимъ въ умахъ матеріализмомъ и сенсуализмомъ, служившимъ базисомъ зоологическаго періода развитія органической жизни на землѣ; психологическая основа звѣринаго прсшлага никакъ не можетъ быть фундаментомъ общечеловѣческаго будущаго. Исторически въ порядкѣ культурной преемственности вульгарный матеріализмъ явился типичнымъ наслѣдіемъ отживающей буржуазіи и только по очевидному филоссофскому недоразумѣнію провозглашается близорукими вождями, какъ откровеніе новсй эры. Въ самомъ сокровенномъ существѣ всемъ ссціализмъ стрывается отъ матеріалистическаго пониманія жизни, всѣми своими свѣтлыми возможностями, потенціями, мечтами, прсрвами и перспективами онъ безконечно ближе къ христіанской этикѣ и къ чисто спиритуалистическому воспріятію жизни. Строительное безсиліе матеріалистическаго ссціализма, быть можетъ, всего естественнѣе сбъясняется этими внутренними методологическими противорѣчіями, укрѣпляющими живучесть индивидуалистической рутины въ самихъ ссціалистахъ. Дѣйствительному и фактическому переходу къ коллективному строю жизни несомнѣнно долженъ будетъ предшествовать переходъ къ новому сверхъ-индивидуалистическому мірссозерцанію Въ этомъ смыслѣ требованія исторической послѣдствительности очень настоятельны и категоричны.

Приходится констатировать, что характеръ и направленіе религіозно-моральныхъ воззрѣній народовъ, дѣйствительно,

находится въ нѣкоторой связи съ экономической эволюціей: въ одну фазу она оторвала ихъ отъ христіанской морали, въ другую фазу она же и возвращаетъ ихъ къ ней. Какъ тогда, такъ и теперь надъ умами и сердцама народовъ властвуетъ, разумѣется, не одинъ только чисто экономической факторъ, какъ ошибочно думаютъ сторонники историческаго матеріализма, но какая то верховная потребность даннаго историческаго момента. Надъ всѣмъ міромъ событій господствуетъ всевластная логика исторіи, безраздѣльно царятъ нѣмыя предписанія и постулаты всемірной эволюціи, одновременно объемлющіе и духовную, и моральную, и экономическую жизнь человѣчества во всей сложности и путаницѣ ихъ переплетающихся взаимодействій.

Съ точки зрѣнія этого перекрестнаго взаимодействія всѣхъ сторонъ, всѣхъ элементовъ общественной жизни человѣческая мораль далеко не самостоятельна. Она всегда находится въ логическомъ согласіи и съ религіозной системой, изъ которой вытекла, и съ потребностями и запросами общественнаго развитія, которому служить. Поэтому, тотъ круговоротъ, который переживается Европой въ области моральныхъ понятій, параллельно переживается также и въ области религіозныхъ и религіозно-философскихъ воззрѣній. Именно въ непосредственной связи съ потребностями экономической жизни и развитія общества Европа, идя къ индивидуализму, раньше пережила разрывъ съ христіанствомъ, а нынѣ, идя въ сторону коллективизма, переживаетъ назрѣвающій въ душахъ возвратъ къ христіанству. По младенчеству научно-философскихъ знаній той эпохи ни католицизмъ, ни протестантизмъ не были въ силахъ примирить критическій разумъ съ мистическимъ чувствомъ. Это противорѣчіе положило свою печать на всю судьбу обѣихъ церквей: католицизмъ во имя мистическаго догмата отрекся отъ критическаго разума — и этимъ путемъ привелъ интеллигенцію католическихъ странъ къ невѣрію, къ вольтеровскому скептицизму и къ либр-пансерскому атеизму. Протестантизмъ, наоборотъ, отдавшись раціонализму, почти совершенно вытѣснилъ изъ своего религіознаго обихода мистическое начало и тѣмъ самымъ оставилъ религіозное чувство народовъ почти безъ всякаго удовлетворенія, но, несмотря на всю тяжесть этого лишенія, этой многовѣковой духовной діеты, все же сумѣлъ сохранить въ милліонахъ сердець потребность въ религіи, живую любовь къ Богу и стремленіе къ богопознанію. Католичество похоже на евангельскую дѣву, погасившую божественный свѣтильникъ въ душахъ своей мыслящей паствы, реформація — на дѣву, которая донесла свѣтильникъ религіозныхъ исканій до нашихъ дней, когда старый

антогонизмъ между мистикой и разумомъ постепенно уже утрачиваетъ свою остроту въ предчувствіи и въ предугадываніи примиряющаго синтеза. Современная научно-философская мысль, неизмѣримо болѣе богатая положительными данными чѣмъ во времена Лютера и въ эпоху Вольтера чисто рационалистическимъ путемъ приближается къ отрицанію рационализма, а слѣдовательно, и къ признанію необходимости мистическаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ почти одновременно экономическій процессъ приводитъ современную Европу къ необходимости христіанской морали всечеловѣческаго братства, глубокомистичной по своимъ основамъ, а научно-философскій прогрессъ приводитъ къ признанію мистическихъ основъ человѣческаго мышленія и бытія. Обои, параллельно идущими, путями мы приходимъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Пути Божіи, по истинѣ, неисповѣдимы: черезъ капиталистическій индивидуализмъ они приводятъ къ братству, черезъ доведенный до конца рационализмъ — къ мистикѣ, черезъ крайній атеизмъ — къ Богу. Именно благодаря тому, что протестантская церковь не отреклась въ своемъ религіозномъ чувствѣ отъ разума, ей удалось сохранить руководимые ею народы въ традиціяхъ религіозности, хотя бы и безъ живого мистическаго содержанія. За то теперь, при свѣтѣ углубленнаго разума и свободной, но болѣе озаренной критической мысли она снова возвращается къ всеобъемлющей и всепримиряющей мистикѣ христіанства.

* * *

Россія и весь Востокъ остались въ сторонѣ отъ капиталистическаго процесса и въ культурно-промышленномъ отношеніи значительно отстали отъ западной Европы. Именно эта отсталость въ нѣкоторой мѣрѣ охранила восточныя страны отъ властнаго внѣдренія въ общественныя нравы тѣхъ антихристіанскихъ принциповъ, на которыхъ построено экономическое и общественное развитіе Запада. Съ другой стороны отсутствіе въ самомъ духѣ православной церкви воинствующаго и деспотическаго догматизма не вызывало въ ней никакого рѣзкаго столкновенія религіознаго чувства съ критической мыслью. Этотъ разладъ явился на Востокѣ много позднѣе, чѣмъ на Западѣ, но онъ родился не изъ нѣдръ русской жизни, а былъ перенесенъ съ запада, какъ результатъ, какъ отголосокъ чужихъ общественно-религіозныхъ переживаній навѣянный извнѣ, посѣянный западной литературой, начиная съ Вольтера и Локка и кончая Ренаномъ, Молешотомъ и Бюхнеромъ, онъ не имѣлъ

здѣсь такой остроты и глубины, какъ на своей родинѣ. Въ сущности наше російское вольтеріанство всегда было очень поверхностнымъ и больше показнымъ. Оно какъ то не затрагивало самыхъ нѣдръ религіозной мысли и нисколько не мѣшало русской интеллигенціи даже въ наиболѣе крайнихъ направленіяхъ гимназически заборнаго отрицанія и нигилизма оставаться по бессознательнымъ основамъ своего міросозерцанія и всего своего жизнечувствованія въ высшей степени религіозной и мистичной. Въ бурныхъ крайностяхъ русскаго нигилизма и атеизма, съ наибольшею глубиною анализированныхъ въ геніальномъ психологическомъ прозрѣніи Достоевскаго, всегда сказывалась мучительно-неудовлетворенная потребность богопознанія.

Неиспытанная ни соблазна власти, ни соблазна богатства, которыми дьяволъ искушалъ Господа въ пустынѣ, восточная религіозность сохранила въ сердцахъ своихъ народовъ горячую любовь къ Христу, неустанное исканіе свѣта незримаго, неутолимую жажду Божьей Правды, безъ которой для насъ нѣтъ счастья и удовлетворенія на землѣ, безъ которой жизнь, самая богатая и полная, самая сытая и комфортабельная становится для русскаго человѣка безпросвѣтно скучной, темной и мучительно-безсмысленной. Указанныя особенности духовной и культурно-экономической жизни Востока помогли ему сохранить христіанство въ сравнительно большей полнотѣ его соціальныхъ устремленій. Этому способствовали и культурно-историческія особенности восточныхъ странъ. Христіанство, пришедшее съ апостолами въ западные центры классической греко-римской цивилизаціи, застало тамъ уже сложившіяся могущественныя языческія государства и вполне разцвѣтшую, прочно кристаллизовавшуюся культуру. Кристаллизованность политической и общественной жизни въ значительной мѣрѣ стѣсняла и ограничила его реформаціонное вліяніе въ смыслѣ созданія такихъ формъ общественныхъ отношеній христіанизированныхъ народовъ, которыя отвѣчали бы этическимъ и мистическимъ требованіямъ новаго ученія. Силою обстоятельствъ оно само было вынуждено приспособляться къ уже существующимъ, исторически-выработаннымъ порядкамъ, представляющимъ собою наслѣдіе языческой старины. Ему пришлось поклониться языческой по строю своихъ моральныхъ и правовыхъ понятій власти, религіозно признать институтъ рабства и всю систему общественныхъ отношеній, сложившуюся и выросшую въ дохристіанскій періодъ языческой идеологіи.

Такъ было на Западѣ. Востокъ же Европы, напротивъ, представлялъ собою сравнительно почти еще культурно не-

тронутую цѣлину. Христіанскіе пастыри не нашли тамъ такихъ грандіозныхъ политическихъ объединеній, такихъ твердыхъ и законченныхъ культурно-правовыхъ кристаллизаций: вся восточная Русь сперва объединилась религіозно въ принятіи христіанства и только впоследствии подъ непосредственнымъ руководствомъ авторитетныхъ церковныхъ дѣятелей въ родѣ митрополита Петра, ставшихъ во главѣ національнаго движенія противъ татарскаго владычества, объединилась политически. Такимъ образомъ, христіанская церковь на Востокѣ сама стала какъ бы матерью національнаго государства и невольно сообщила ему нѣкоторыя свои черты. Она положила въ основу политической и соціальной жизни русскаго народа мистическую идеологію. Съ тѣхъ поръ вся политическая психологія русскаго человѣка осталась отличной отъ западно-европейской. Основное отличіе ея заключается въ томъ, что русскіе ищутъ въ политической и соціальной жизни не столько удовлетворенія своихъ личныхъ или классовыхъ матеріальныхъ интересовъ, сколько удовлетворенія гложущей русскія души высшей потребности во всемірномъ торжествѣ правды и справедливости. Для нихъ государство — тотъ же храмъ. Отношеніе къ личности царя и у народа и у многихъ интеллигентовъ, долгое время оставалось типично религіознымъ. Въ глазахъ всего русскаго крестьянства царь былъ стражемъ божьей правды на землѣ. Богомъ поставленнымъ защитникомъ угнетенныхъ и трудящихся отъ сильныхъ міра сего — т. е. отъ господствующихъ классовъ. Любопытно, что и теперь въ эпоху разгула атеистической пропаганды, черты такого же мистическаго обожествленія личности Ленина можно подмѣтить въ настроеніи посѣтителей его гробницы, и этому нисколько не мѣшаетъ принадлежность къ атеизму и самого Ленина, и многихъ изъ приходящихъ поклониться его праху. Безграничный политическій идеализмъ самой своей безграничностью упирается въ мистику, почти непосредственно сливается съ нею, ибо мистично и непостижимо для конечнаго разума все то, въ чемъ дышетъ безконечность. Мистика въ сущности есть только непосредственное, интуитивное ощущеніе Безконечнаго въ основѣ всего конечнаго, логическое констатированіе улавливаемаго отвлеченнымъ сознаніемъ абсолютнаго начала, лежащаго въ основѣ всего относительнаго, что воспринимается нашими чувствами. Но даже и помимо формулъ логическаго сзнанія, еще не досшедшаго до завершающаго синтеза, непредѣльный политическій идеализмъ по своей психологической природѣ и по своему культурно-историческому происхожденію все-же сстается глубоко мистическимъ. Такимъ онъ живетъ въ каждой живой русской душѣ, вдохновляетъ ее во всѣхъ ея политическихъ и духовныхъ исканіяхъ

и заставляет неудержимо стремиться къ обрѣтенію какой то верховной абсолютной истины.

Несмотря на полную противоположность монархизма и большевизма, онъ составляет ихъ наиболѣе типичную общую черту и общую же психологическую основу. Какъ тотъ, такъ и другой протестовали противъ подчиненія общества интересамъ господствующихъ классовъ. Русское крестьянство поддерживало монархизмъ, какъ идеаль безклассоваго государства, полагая, что только абсолютная власть монарха можетъ остаться дѣйствительно свободной отъ давленія своекорыстныхъ классовъ. Распропагандированный марксистами русскій пролетаріатъ усвоилъ отъ нихъ идеаль безклассоваго общества. Это сдѣлало крестьянъ и рабочихъ вполне солидарными въ идеологическомъ пониманіи власти, а солидарность социальнo-политическихъ стремленій народныхъ массъ, неудовлетворенныхъ существующимъ строемъ общественной жизни, создала стимуль къ революціонному движенію и сообщила ему непреодолимую стихійную силу. Когда русскій народъ, послѣ двухъ неудачныхъ войнъ и еще болѣе неудачнаго узко-классоваго по своимъ тенденціямъ аграрнаго законодательства разочаровался въ царѣ, крестьянство пошло въ своихъ политическихъ исканіяхъ рука объ руку съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Такъ родилась на свѣтъ октябрьская революція: царскій абсолютизмъ, отвергнутый народомъ, могъ быть замѣненъ только большевистскимъ абсолютизмомъ, реализовавшимъ нѣкоторыя изъ тѣхъ требованій социальной совѣсти народа, которыя не были реализованы его предшественникомъ.

Сочетаніе религіозной идеологіи съ политической уже само создаетъ въ психологіи восточныхъ народовъ потенциалъ какого то новаго жизнепониманія, новой духовной и социальной культуры. Быть можетъ весь исторически-міровой смыслъ и провиденціальное назначеніе Россіи заключается именно въ выработкѣ, въ созданіи этого потенциала синтетическаго социальнo-религіознаго творчества. Приобщеніе къ могучей западной цивилизаціи, непознавшей этого синтеза, къ ея богатой наукѣ и литературѣ, незаренной имъ, нерѣдко обезличиваетъ и до конца европеизируетъ національно неустойчивые русскіе умы, но въ болѣе прочныхъ по своимъ национальнымъ интуиціямъ и духовно сильныхъ индивидуумахъ и во всей массѣ русскаго народа оно не только не вытравило широкихъ этико-идеологическихъ и социальнo-религіозныхъ запросовъ, навѣянныхъ всѣмъ складомъ русской исторіи и жизни (даже, можетъ быть, всѣмъ складомъ русскаго мышленія и пониманія), а напротивъ вооружило ихъ новыми ресурсами и данными, придающими русскому синтетическому правдоискательству все-

мірною широту и универсальное міровое значеніе. Всѣ выводы и теоріи Запада, проходя сквозь призму русской соціально-религіозной идеологіи, приобрѣтають новыя черты и въ новомъ преображенномъ видѣ обратно воздѣйствуютъ на западный міръ. Въ этой творческой переработкѣ и заключается грандіозная міровая задача русскаго синтеза, ясно просвѣчивающая въ нашу эпоху почти во всѣхъ сферахъ общественной и философской мысли.

Наиболѣе важнымъ и первенствующимъ въ настоящей исторической моментъ актомъ ея является составляющая основную проблему нашего вѣка коренная синтетическая переработка всего европейскаго социализма. Марксизмъ придалъ ему узко-материалистической и зоологически-классовой характеръ. И теорію классовой борьбы, и материалистическую философію Марксъ цѣликомъ взялъ отъ буржуазіи и на этихъ буржуазныхъ устояхъ обосновалъ стройную систему специально классоваго, чисто пролетарскаго, догматически-материалистическаго социализма. Внутреннія противорѣчія марксистской системы и программы, раскрытію и исправленію которыхъ препятствовала фанатическая догматичность ученія, придали всему марксистско-пролетарскому движенію катастрофической характеръ, обезсилили его вліяніе на массы, помѣшали ему стать во главѣ всѣхъ трудящихся и, повидимому, привели его къ большому краху въ Европѣ. Рядомъ съ глубочайшимъ кризисомъ буржуазнаго капитализма современный цивилизованный міръ одновременно переживаетъ еще недостаточно отмѣченный въ социалистической литературѣ смертельный кризисъ марксистскаго социализма, въ огромномъ большинствѣ случаевъ даже не дошедшій еще до сознанія самихъ марксистовъ. Такіе колоссальнаго значенія факты, какъ отрывъ отъ марксизма основаннаго самимъ Марксомъ II-го Интернаціонала, сосредоточившаго подъ своимъ руководствомъ 25 милліоновъ рабочихъ, какъ неоспоримая буржуазность всей германской соціально-демократіи и подавленіе ея дѣятелями революціоннаго рабочаго движенія спартаковцевъ, очень убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, что социализмъ въ Европѣ такъ же не удался, такъ же разошелся съ дѣйствительностью европейской общественной жизни какъ и христіанство. Въ Англіи глава рабочей партіи, примкнувшій къ II-му Интернаціоналу, послѣ двукратнаго кратковременнаго пребыванія ея у власти сталъ во главѣ буржуазно-консервативнаго правительства. Родина Маркса и Лассаля, социалистическая Германія разорвала со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣми традиціями, вступила на путь фашизма, отказалась отъ гражданской свободы и конституціоннаго закона и дала Гитлеру дикта-

торскія полномочія для насильственного разгрома социаль-демократовъ и коммунистовъ. Въ Италіи большинство рабочихъ, числившихся раньше въ рядахъ сильной социалистической партіи, перешло къ фашистамъ и активно поддерживаетъ Муссолини. Можно спросить: что же осталось отъ марксистскаго социализма въ Европѣ? Глубина переживаемаго имъ тяжкаго кризиса усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ антисоциалистическій поворотъ совершился при наличіи всеобщаго избирательнаго права и при подавляющемъ численномъ превосходствѣ рабочаго класса надъ остальными классами населенія. Это значитъ, что противъ марксистскаго социализма голосуютъ сами рабочія массы. Похоже на то, что онъ эмигрировалъ изъ западной Европы и воцарился только въ Россіи, гдѣ народные нравы болѣе христіанизированы, чѣмъ въ Европѣ. Но и тамъ, для того чтобы коммунистическая власть могла остаться во главѣ правленія, ей пришлось отойти отъ основныхъ догматовъ коммунизма, отказаться и отъ насильственного отчужденія частной трудовой собственности, и отъ равенства вознагражденія за трудъ рабочихъ, разрѣшить крестьянскимъ колхозамъ частную продажу сельскохозяйственныхъ продуктовъ, т. е. приспособить всю свою программу къ уровню социальнаго развитія и требованіямъ населенія, реально ограничивъ весь свой коммунизмъ воспрещеніемъ частной капиталистически-буржуазной эксплуатаціи промышленнаго труда. Несмотря на тысячи мелкихъ неудачъ и крупныхъ нестроений, въ Россіи все же идетъ процессъ социалистической коллективизаціи экономической жизни и до нѣкоторой степени стихія хищническаго индивидуализма вытѣсняется идеологією общественной солидарности. На Западѣ же старый буржуазно-капиталистическій строй жизни явно разлагается и умираетъ, но все то, что могло бы и должно бы замѣнить его, оказывается какою то безсильною фикцією, совершенно лишенною дара социальнаго жизнетворчества.

Кризисъ религіознаго сознанія и кризисъ общественной мысли въ сочетаніи своемъ создаютъ смертельный кризисъ всей европейской жизни. Европа не живетъ, а какъ будто бы доживаетъ свой вѣкъ, не имѣя и не видя передъ собою никакихъ перспективъ будущаго, необозримыхъ и манящихъ dalej идейно одухотвореннаго существованія. И главной причиной этого темнаго провала, несомнѣнно, является лежащее въ основѣ всей исторіи Европы роковое отсутствіе связующаго синтеза общественной жизни и религіи, сдѣлавшее всю социальную жизнь европейца абсолютно безрелигіозной и идеологически-неодухотворенной, а западно-европейскую религіозность абсолютно безжизненною, лишенною всякаго активнаго социальнаго смысла и содержанія.

Восполнить этот то основной пробѣлъ европейской исторіи и дальнѣйшей европейской эволюціи и призванъ русскій религіозно-соціальный синтезъ. Правда, русская церковь не создала его, но за то она подготовила благопріятныя условія для его созданія: она взростила въ русскихъ душахъ страстную неумирающую любовь къ христовой правдѣ, ненасытимую потребность въ религіозной красотѣ и въ религіозно-жертвенномъ содержаніи жизни. Трудно отрицать, что внѣдренная церковью въ русскихъ сердцахъ неутолимая жажда христовой правды систематически информируемая къ тому же чисто рационалистическими революціонными теченіями западной мысли не нашла своего полного удовлетворенія ни въ государственномъ, ни въ церковномъ строительствѣ старой Россіи и въ силу этого должна была получить и антигосударственное, и антицерковное направленіе. Но не по формѣ, а по своей сокровенной моральной и психологической сущности революціонная борьба русской интеллигенціи съ старой властью и съ старымъ строемъ челоуѣческихъ отношеній, несомнѣнно, носила черты чисто религіознаго экстаза. Она требовала отъ борцовъ великаго самоотреченія, имѣла и своихъ идеалистовъ-подвижниковъ, и своихъ мучениковъ. Правдоискатели культурныхъ слоевъ, отрываясь отъ эгоистическихъ интересовъ личнаго благополучія, личнаго счастья въ матеріальномъ удовлетвореніи, находили свой мученичскій крестъ въ борьбѣ за общественные идеалы. Правдоискатели изъ народной среды, отрываясь отъ соблазновъ чувственно-эгоистической и полуживотной мірской жизни, уходили въ скиты и жили религіозно-трудовыми общинами. И по сей часъ еще эти двѣ сродныя въ глубинѣ своей стихіи русской жизни раздѣлены и обособлены одна отъ другой, но внутренняя, чисто психологическая общность ихъ все же остается очевидной и несомнѣнной. Рано или поздно она проявится въ ихъ дальнѣйшей эволюціи и заставитъ ихъ слиться въ новыхъ формахъ и это сліяніе образуетъ свѣтлое творческое и синтетическое теченіе общественной мысли, способное одухотворить соціальную жизнь и Востока, и Запада и указать народамъ вѣрные пути къ лучшему будущему.

Расхожденіе возвращенной духомъ христіанскаго ученія жажды абсолютной общественной правды и справедливости съ наличною политическою и церковною дѣйствительностью составляло самую мучительную боль русской жизни и основную трагедію нашей русской исторіи. Пятымъ актомъ этой исторической трагедіи явилась октябрьская революція. Русскіе революціонеры, пассивно-ученически слѣдуя западному образцу, такъ трагически провалившемуся на Западѣ, придали ей

рѣзко атеистическое обличіе, но о революціяхъ, какъ и объ людяхъ, не слѣдуетъ судить только по внѣшности: вѣдь, въ концѣ концовъ революціи дѣлаются не революціонерами, а народами, и слѣдовательно, представляютъ собою какъ бы синтезъ или среднюю равнодѣйствующую того, что вноситъ революціонная мысль въ логическомъ сочетаніи съ психологіею массъ, воспитанною всѣмъ историческимъ прошлымъ народа. Пришедшій съ Запада, узко-матеріалистическій, зоологически-классовый марксизмъ, оказавшійся въ этихъ дефективныхъ формахъ своей практической программы абсолютно безсильнымъ и безвластнымъ на своей родинѣ, получилъ въ Россіи власть и силу только благодаря тому, что пройдя сквозь призму политически религіозной психологіи русскаго народа, онъ уже переродился тамъ въ нѣчто другое, пріялъ инныя черты, получилъ покамѣстъ еще окончательно неоформленный въ медленномъ процессѣ русскаго народнаго политическаго самосознанія, новый, болѣе синтетическій характеръ. По мѣрѣ чрезвычайно быстро при большевикахъ культурнаго роста низшихъ слоевъ населенія и успѣховъ сельско-хозяйственной коллективизаціи, объединившей 130 милліоновъ до тѣхъ поръ политически и духовно разъединенныхъ крестьянъ въ одинъ общій союзъ, исторически-бытовая стихія русской революціи скажется значительно сильнѣе и весьма вѣроятно, затушуеетъ доминирующую роль западначескаго въ своемъ атеизмѣ марксизма. Неизбѣжная при культурномъ пробужденіи народныхъ массъ широкая демократизація большевистскаго режима постепенно анулируетъ диктаторскій абсолютизмъ и противорѣчащій основнымъ соціальнымъ задачамъ соціалистической партіи, глубоко буржуазный по своему внутреннему духу, атеизмъ, уже и теперь вызывающій иногда ироническія нотки даже у такихъ непоколебимыхъ столповъ совѣтской власти, какъ Сталинъ. (*)

Расхожденіе религіи съ общественною жизнью одинаково тяжело отзывается и на обществѣ, и на церкви. Какъ общество безъ религіозной скрѣпы приходитъ къ внутреннему разложенію, къ раздѣленію на «ся» и гибели, такъ и церковь безъ активнаго служенія божьей правдѣ въ общественной жизни вѣрующихъ перестаетъ быть водительницею народовъ. Не найдя своего выраженія въ окружающей политической дѣйствительности, восточное христіанство сдѣлалось чисто созерцательнымъ. Живыя силы его вылились въ отшельничество и подвижничество, мертвыя — въ обрядовый формализмъ и пассивное, добродушное незлобіе. Все это сдѣлало восточную

*) «Сняли съ церкви колокола — какой, подумаешь революціонный поступокъ». («Головокруженіе отъ успѣховъ»).

церковь не носительницею и не воительницею, а только *хранительницею* христіанства, стражемъ духа святаго. Она хранила благодать христова ученія въ священномъ сосудѣ, но не проливали ея на окружающую жизнь. Не мудрено, что эта безблагодатная жизнь искажилась и духовно оскудѣла и даже въ своемъ стремленіи къ осуществленію Божьей правды на землѣ пошла путями ложными и неправедными, которые ея привели къ страшнымъ головокружительнымъ безднамъ общественной мести и ненависти, крови и насилій.

Однако насиліе не является факторомъ общественнаго прогресса. Оно можетъ быть пригодно лишь для ниспроверженія старой власти и лишь при томъ условіи, если опирается на волю и совѣсть т. е. пробужденное правосознаніе народныхъ массъ. Но оно совершенно утрачиваетъ свою силу, когда его приходится направлять противъ всего народа, и становится уже абсолютно негоднымъ, какъ основной принципъ для построения новой жизни и новыхъ идеалистическихъ соціальныхъ отношеній. Между тѣмъ, соціальная революція въ отличіе отъ политической тѣсно связана именно съ общественно-творческими задачами и требуетъ огромнаго напряженія организаціонной и воспитательно-педагогической работы. По самой своей проблемѣ она вынуждена базироваться на свободномъ развитіи идеологическихъ стремленій самаго общества. Основная цѣль социализма, повелительно диктуемая въ наше время всѣмъ народамъ и правителямъ техническимъ прогрессомъ современнаго производства, заключается въ томъ, чтобы замѣнить индивидуалистическій строй экономическихъ отношеній коллективнымъ, а для этого необходимо, чтобы все самочувствіе гражданъ изъ индивидуалистическаго тоже переродилось въ коллективное. Насильно заставить человѣка сдѣлаться изъ эгоиста альтруистомъ, думать не о себѣ самомъ, а о другихъ, работать не для себя, а для общества, очень трудно, другихъ же способовъ перерожденія человѣка материалистическое пониманіе его намъ не даетъ. Марксистскій социализмъ потому то и обреченъ на полное политическое безсиліе во всѣхъ европейскихъ странахъ, что исповѣдуемый имъ буржуазный материализмъ лишаетъ его возможности воздѣйствовать на психику массъ и подготовить ту моральную почву которая необходима для его осуществленія. Оторванная отъ мистической первоосновы жизни, вѣковая мечта о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей, во имя которой принесено столько жертвъ, отдано столько молодыхъ самоотверженныхъ жизней, остается только мечтою. Она безсильна преобразовать эту жизнь и часто даже сама порождаетъ новыя неравенства, новыя насилія и новыя неправды. Съ каждымъ днемъ строительной рабо-

ты, приводящей къ разрушенію, съ каждой реформой, приближающей къ доисторическому варварству, съ каждымъ скачкомъ впередъ, отбрасывающимъ общество на многіе вѣка назадъ, будетъ все яснѣе и все мучительнѣе чувствоваться обманчивая тщета и полная эфемерность бездушно-механическаго общественнаго строительства, не находящаго опоры во внутреннемъ жизнепониманіи человѣка, формирующемъ его волю и отношенія къ окружающему міру — въ могучемъ религіозномъ чувствѣ, этомъ подспудномъ мистическомъ двигателѣ всей человѣческой психологіи и соціального прогресса.

Пора понять ту очевидную и вполне безспорную истину, что соціальныя перевороты, въ отличіе отъ политическихъ, совершаются не на площадяхъ и не въ парламентахъ, а въ сердцахъ и душахъ отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ образуется общество. Дѣйствительны и реальны не тѣ законы, которые провозглашаются въ государственныхъ актахъ, а только тѣ, которые написаны въ скрижаляхъ совѣсти и въ живомъ правосознаніи гражданъ, первоисточникъ же совѣсти и права для всего западнаго человѣчества это — свѣтлая животворящая правда Христова ученія, Христовой любви и Христовой жертвы за міръ. Можно ли утолить эту жажду, не прикасаясь къ живительной влагѣ и оставляя уста свои сухими? Близится часъ, когда Христова церковь должна воскреснуть изъ мертвыхъ и сдѣлаться вдохновительницею и руководительницею въ построеніи соціальной жизни народовъ, ибо безъ морально-мистическаго вдохновенія и руководства они въ попыткахъ пересозданія общества все превратятъ въ сплошной кровавый хаосъ и руины.

Сознаніе объективной необходимости перехода къ общественной организаціи труда и производства, къ коллективному строю всей экономической жизни общества становится совершенно яснымъ при зловѣщемъ свѣтѣ съ каждымъ днемъ все углубляющагося мірового кризиса, повидимому знаменующаго собою агонію мірового капитализма. Такія экономическія аномаліи, какъ прогрессивно-ростущая массовая безработица, охватившая уже 40 милліоновъ рабочихъ, угрожаютъ всему міру подготовкой грандіозныхъ соціальныхъ и политическихъ смуть. Глухіе, пока еще отдаленные раскаты надвигающейся міровой грозы должны же, наконецъ, пробудить безпробудно спящихъ отъ ихъ глубокаго вѣковаго сна. Греческая церковь устами митрополита Кассандрійскаго первая покаялась въ своемъ самоотлученіи отъ общественной жизни и, слѣд., признала нужнымъ вступить на путь ссоціального христіанства. Русская церковь, непосредственно пережившая всѣ ужасы великой соціальной смуты, руководимая такими сильными

духомъ пастырями, какъ почившій патріархъ Тихонъ, не оставалась глухой и слѣпой къ тому, что творится въ мірѣ, и слилась въ своемъ служеніи съ жизнью своего столь изстрадавшагося народа, но ея призывный голосъ еще не дошелъ до нашего слуха и до нашего сердца. По этому же тернистому пути должны идти и восточные, и западные пастыри, ибо моральное и социальное воскресеніе человѣчества возможно только при воскресеніи христіанства и только его творческими силами.

Социальнымъ возрожденіемъ христіанства практически разрѣшается и волнующій многихъ вопросъ о раздѣленіи церквей. вмѣстѣ съ утратой своего социального содержанія христіанство утратило и свое внутреннее единство, свою всемирность, свой вселенскій характеръ и распалось на рядъ помѣстныхъ церквей. Объединеніе всѣхъ существующихъ христіанскихъ организацій въ сознаніи социальной проблемы христіанства снова сдѣлаетъ христіанство духовно единымъ и вселенскимъ даже при полномъ сохраненіи помѣстныхъ догматическихъ и обрядовыхъ различій. Подобно тому, какъ народы, сохраняя полную свободу своей внутренней и внѣшней національно-государственной жизни, образовали Лигу Націй, долженствующую по идеѣ своей, быть органомъ и выразительницей совѣсти всего человѣчества, такъ же точно и христіанскія церкви, сохраняя каждая свою индивидуальность и независимость, могутъ на первое время создать Верховный Совѣтъ Христіанскихъ Церквей для утвержденія себя въ томъ, что въ нихъ есть общехристіанскаго. Прежде всего такой объединенный Всецерковный Совѣтъ, по духу и обстоятельствамъ времени долженъ обсудить и установить отношеніе христіанства къ социальному вопросу и вообще точно опредѣлить роль христіанской церкви въ реальной жизни народовъ. Какъ только христіанскіе іерархи станутъ на стезю христіанскаго строительства жизни, сознаніе общности великой религіозной задачи заставитъ ихъ забыть все, что раздѣляло ихъ раньше.

Уже самая объединенность церквей создаетъ имъ огромную силу моральнаго воздѣйствія на общество. Могучая своей божественной всеобъемлющей и животворящей правдой. Вселенская Христова Церковь получитъ огромный моральный авторитетъ въ глазахъ народовъ, подавитъ злое хищничество и лицемерную ложь фарисейства, на которыхъ основаны наши социальные отношенія, и приведетъ человѣчество къ чудесному безкровному преображенію всей нашей земной жизни. Только подъ нелицемѣрнымъ, истинно христіанскимъ водительствомъ оно можетъ совершиться безъ крови и міро-

выхъ потрясеній, въ свѣтѣ религіозно-мистическаго сознанія братскаго единства всѣхъ людей, въ свѣтлой радости всеобщей христіанской любви, всепрощенія и милосердія. Экономическія и гражданскія отношенія между людьми изъ звѣриныхъ и хищническихъ сдѣлаются во истину человѣческими и тысячулѣтнему владычеству апокалипсическаго «звѣря изъ бездны» будетъ положенъ конецъ. Въ мірѣ нѣтъ другой силы, которая могла бы гуманизировать слѣпой и стихійный процессъ соціальной эволюціи и подчинить его свѣтлой власти разума и совѣсти человѣческой и нѣтъ иного пути, чтобы предотвратить ожидающіе мірѣ кошмарные ужасы стихійно-вулканическихъ соціальныхъ переворотовъ.

Ипполитъ Гофштеттеръ.